

ПИОНЕР

3
ЭЦПЗ

30445

Январь - февраль

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Издательство „Правда“ 1942 г.
г. Свердловск

1-2

Любовь к жизни

Рассказ Вадима Кожевникова

Рис. В. Горяева

Во время штурмовки вражеского аэродрома прямым попаданием зенитного снаряда лейтенанту Коровкину перебило обе руки, жестоко разрезало лицо осколками козырька кабины. Истекая кровью, пользуясь только ножным управлением, Коровкин дотянул свою поврежденную машину до аэродрома и совершил посадку на три точки.

В госпитале он спросил врача:

— Скажите, доктор: скоро я смогу снова летать?

Доктор посмотрел в мужественные и спокойные глаза молодого пилота и сказал просто:

— По-моему, летать вам больше не придется.

— Ну, это мы увидим еще! — сказал Коровкин.

Ночью, когда в палате все заснули, Коровкин сунул забинтованную голову под подушку и стал плакать. К утру у него поднялась температура, и доктор, встряхнув термометр, сообщил ему:

— Если вы будете нервничать, то окажусь прав я, а не вы.

Шел снег, сухой, чистый. И в воздухе было бело и сумрачно. Погода была нелетная.

Мы сидели в тепло натопленном блиндаже и говорили о Коровкине.

— Он почитать чего-нибудь просил. Книгу надо такую, чтоб настроение подняло, а то парень совсем заскучал, — сказал механик Бодров.

Мы стали рыться в своей крохотной библиотечке, умещавшейся в ящике из-под ракет. Но ничего найти не могли, кроме воинских уставов.

Вошел политрук Голаджий. Он сел на нары, устланные соломой, и спросил, чего мы тут копаемся.

Выслушав, он сказал:

— Когда Владимир Ильич Ленин был болен, он невыносимо страдал и попросил достать ему книжку — сочинения американского писателя Джека Лондона. Он там один рассказ похвалил — «Любовь к жизни». Интересно было бы эту книгу достать.

— А где достать ее тут, в степи?

— Достать можно, если надо.

Голаджий выкурил папиросу, потом надел шлем, меховые перчатки и вышел из блиндажа. Когда он отбрасывал палатку, повешенную над входом, пахнуло яростным ветром и колючим, сухим снегом пурги.

Механик Бодров печально сказал мне:

— Коровкин Миша — сильной души человек, а вот ранило — и сдал. А разве от нервов помирают?

Бодров подошел к печурке, открыл дверцу и, положив несколько оттаявших, мокрых поленьев, обернувшись ко мне грустным лицом, покрытым блуждающими красными бликами от пламени в печи, негромко произнес:

— Голаджий говорит: кто смерти боится, тот должен уничтожить ее, убивая врага. Крепко сказано! Вот когда я в командировку насчет горючего ездил, там, на крекингзаводе, тоже с одним парнем интересный случай произошел.

И вот что мне рассказал механик Бодров.

В огромной камере нефтехранилища вырвало кусок бетонной кладки. В образовавшуюся брешь нефть хлынула черным жирным потоком. Заводу грозила авария. Рабочие сооружали земляные барьеры, пробуя удержать нефть, но она прорывала насыпь и разливалась все шире. Вызвали водолаза из порта. Назаров была его фамилия, звали Алешей. Он был веселый широкоплечий парень, этакий чубатый комсомолец, вроде нашего Коровкина. Назаров надел скафандр и, тяжело поднявшись по железной лестнице, спустился через верхний люк в нефтехранилище.

Несколько раз брезентовый пластырь, черный, скомканный, пенистым столбом нефти вышибало наружу. Назарова самого чуть было не втянуло в брешь вращающимся нефтяным потоком. Но он все-таки наконец изловчился и наложил пластырь. Черная толстая струя перестала бить наружу и, ослабев, только слабо сочилась.

Но вдруг над вершиной нефтехранилища показалось голубое пламя и, став потом красным, сразу обросло черным ядовитым дымом. Нефть вспыхнула. Видно,

ударом троса о стальную крышку нефтехранилища высекло сухую, тонкую искру, и этого было достаточно, чтобы нефтяные пары, а потом и нефть загорелись.

Пожар нефтехранилища угрожал не только заводу, но и окраинам города.

Рабочие, понимая, какая страшная катастрофа может случиться, не жалея себя, полезли в огонь и закидали вершину нефтехранилища тяжелыми, мокрыми брезентами. Без воздуха пламя должно было задохнуться.

А Назаров был там, внутри, ничего не зная, спокойно дожидаясь распоряжения своего бригадира, чтобы выбраться наружу.

Бригадир с побелевшим лицом поднял телефонную трубку и хрипло сказал:

— Миша, ты как там себя чувствуешь?

Подыматься погодить надо. А я с тобой, чтобы не скучно было, разговаривать пока буду.

Но бригадир не мог разговаривать, у него немела челюсть, и он, обведя вокруг беспомощными глазами, спросил:

— Что же теперь делать, товарищи? У него же скафандр от долгого пребывания в нефти раскиснет. Она же разъедает, нефть, резину-то, — и, оглянувшись, неуверенно произнес: — Пусть пластырь сдерет и в пробойну выбросится. Нефти пропадет, конечно, много, но не пропадать же человеку, — и робко, с надеждой, спросил: — А нефть на земле не загорится?

— Теперь не загорится, — объяснил пожарник, — она сейчас поверху горит. Пока верхний слой до дыры дойдет, мы успеем ее наружным пластырем перехватить. Снасть вон уже приготовлена.

Бригадир снова взялся за телефон.

— Миша! — бодро закричал он в трубку. — У тебя наверху вроде пожар, так что выбраться нормально невозможно. Сдирай пластырь и выбрасывайся живо наружу через пробойну.

Смотрим на лицо бригадира, а оно у него смущенное, жалкое. Прикрыв ладонью трубку, он жалобно сказал:

— Не хочет. Говорит: нефть жалко. Война, говорит, а я такую ценность в помойку лить буду...

Рабочие, пожарники посмотрели на меня: ну как, товарищ летчик? Что же делать?

А что мог я сказать? Поступок, конечно, правильный. Но ведь и парня жалко.

Бодров наклонился к печке, вытащил головешку и прикурил от нее.

Зазвонил телефон. Бодров взял трубку:

— Гранит у аппарата. Голодкий? Да разве он улетел? Нет, не вернулся. Доложу, товарищ командир.

Бодров положил трубку и тихо проговорил:

— Вот еще чортушка, этот Голаджий! В такую пургу вылетел. Тут дров наломать в два счета можно. Видимости никакой.

— Ну, что же с Назаровым? Должно быть, погиб он?

Бодров посмотрел на меня озабоченными, невидящими глазами и сказал равнодушно:

— Назаров? Ах да, водолаз. Сидел он там в нефти часа два. В городе люди прослышали про эту историю. Стали на завод приходить. Просили телефонную трубку. Кто, конечно, уговаривал вылезти, а кто говорил: «Молодец!»

Пожарные со всего города съехались. Стали они осторожно пластырь брезентовый с крыши нефтехранилища сдирать. Но огня уже не было. Сдох пожар без воздуха.

А когда Назарова вытянули на тросах наружу, у него весь мундир, как кисель, разъела нефть. В одежду водолазную внутрь залилась. Но в колпак медный ее воздух не пускал. Парень, конечно, без памяти был.

— Ну, и что же, выжил?

— Такой парень да чтобы умер?! — удивился моему вопросу Бодров. — Да разве он себе, такой упрямый, помереть позволит?

Бодров вздохнул и сказал:

— Вот бы про этого паренька сочинить что-нибудь да в книгу, а книгу Коровкину прочесть — настроение у него сразу бы выросло.

Послышался стонущий рев мотора. Он то нарастал, то возникал с новой силой.

Бодров схватил полушубок и, набросив его на плечи, крикнул мне:

— Голаджий прилетел! Аэродром ищет. Плутает, видно. Ах ты, оглашенный какой человек! — и выскочил наружу.

Минут через двадцать Бодров и Голаджий вошли в блиндаж. Страхивая с себя снег, Бодров, глядя на Голаджия, с тревогой спросил:

— Где это ты так извозился?

— Маслопровод лопнул, всего захлестало, — равнодушно объяснил Голаджий и полез в карман.

Он вынул оттуда пропитанную маслом, слипшуюся в смятый ком какую-то тоненькую книжку. Вдруг лицо его стало плачевно грустным, и он дрогнувшим голосом растерянно произнес:

— А я еще библиотекаршу будил, ругался с ней, насилиу книгу вытащил, обещал вернуть...

Он попробовал выжать масло из обесцвеченных страниц Джека Лондона, но от этого бумага только расползалась.

— Так ты в город летал! — восхищенно воскликнул Бодров.

— А то куда же еще? — зло сказал Голаджий.

Потом он взял телефонную трубку, позвонил синоптику и осведомился, какая погода будет завтра к утру.

Укладываясь спать, он сказал Бодрову:

— На рассвете меня разбудишь.

— Снова полетишь?

— А что же ты думал! У них один экземпляр, что ли? — грубо сказал Голаджий и, натянув на голову одеяло, сразу заснул.

Было тихо. В соломе ворошились полевые мыши, и огонь в печурке медленно угасал. Становилось холодно. Я, прикорнув к Бодрову, тоже уснул.

И вот с того дня прошло два месяца. Однажды, приехав в 5-й гвардейский полк, я увидел на аэродроме знакомую мне фигуру летчика, коренастого, со светлым чубом на лбу. Только на пухлом улыбающемся лице был синий мозолистый шрам.

— Коровкин! — крикнул я изумленно. — Ну, как, выздоровел? Все в порядке?

— Все в порядке, — сказал Коровкин, — летаю на полный ход, — и, хитро прищурившись, добавил: — Лихо я своего доктора переспорил!

Я дождался вечера, когда летный день был закончен, и, разыскав Коровкина, отвел его в пустую комнату красного уголка и спросил:

— Слушай, Миша, а книжку-то тебе Голаджий достал?

— Это Джека Лондона? — спросил Коровкин. — Достал, — и вдруг лицо его стало грустным, задумчивым, и он объяснил тихо: — Только я ее прочесть не мог тогда: голова очень горела. Но вот о Ленине я думал. Как он тогда лежал, мучился, и, когда легче становилось, работал, и только о жизни думал. Не о своей — о нашей, о жизни всех нас. И стала она мне, моя жизнь, после этого необыкновенно дорогой. И так захотелось жить, выздороветь!.. Ну вот и выздоровел. Доктор после извинился и объяснил, что волевой импульс — это самое сильное лекарство.

ПАРТИЗАНКА ТАНЯ

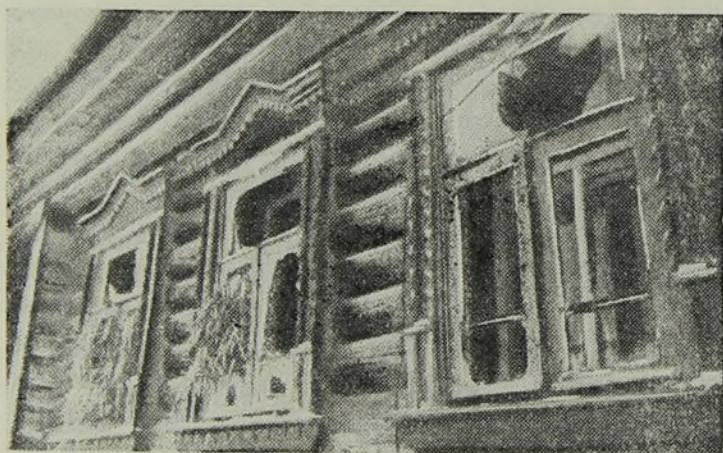

1. Зоя Космодемьянская (Таня), зверски замученная фашистами.

2. Деревня Петрищево.

3. Удирая, немецкие захватчики выколотили в избах стекла.

4. Жители деревни Петрищева рассказывают о гибели Зои.

Красная Армия наступала и приближалась к Можайску. В то время и мне пришлось побывать там неподалеку. Я ездил из деревни в деревню и глядел на оставленные немцами развалины, на трупы замученных русских людей, на жителей, которые уцелели и теперь рылись в золе пожарищ в надежде найти несколько картофелин и поесть.

Тот, кто прошел по следам захватчиков и видел эти картины, будет проклинать и ненавидеть немецких мерзавцев всю жизнь до самой смерти.

В одной из деревень мне рассказали, что километрах в десяти отсюда, в Петрищево, немцы поймали и повесили восемнадцатилетнюю девушку-партизанку. Ее привели на казнь и надели уже петлю на шею, а она говорила о счастье умереть за свой народ и призывала немецких солдат сдаваться в плен. Говорила она о Сталине, о нашем могучем свободном народе, о том, что мы обязательно победим. Говорила так горячо и сильно, что колхозники, которых фашисты согнали смотреть на казнь, плакали.

Я сейчас же поехал в Петрищево. При въезде в деревню вывеска на немецком языке. Вы прочтете ее на снимке. Деревня цела — не сгорела. И вот почему. Немцы отступали отсюда в спешке. Дошли до следующей деревни, Грибцова, сожгли ее дотла и тут только вспомнили, что Петрищево-то они и не подожгли. Тогда отобрали две дюжины солдат, велели им вернуться и сжечь Петрищево. Неохотно возвращались фрицы, думали: «А что если мы провозимся с поджогом, отстанем от своих да попадем в лапы русским». И решили не возиться. Пробежали рысцой вдоль деревни, переколотили палками все окна в домах и понеслись скорее вдогонку за своими.

Хорошо, что трусливые фрицы не отважились выполнить приказание начальства. Петрищево уцелело, сохранились места, связанные с подвигом храброй Тани, остались свидетели последних часов ее жизни и смерти.

Жители охотно рассказали мне все, что знали о партизанке.

Кто она и откуда родом, тогда еще не было известно. Она никому этого не говорила, чтобы не выдать свой отряд, своих товарищей. Даже встретившись в лесу

с местными партизанами, не назвала она своего настоящего имени, а сказала, что ее зовут Таней. Так и пошла молва о храброй партизанке Тане.

Говорят, и до Петрищева она успела причинить немцам много вреда. А здесь, в Петрищеве, она перерезала провода германского полевого телефона, сожгла сарай, а в нем семнадцать немецких лошадей и собиралась уничтожить большую конюшню, где стояло несколько сот лошадей вражеской кавалерийской части. На снимке (стр. 7) изображен сарайчик рядом с этой конюшней. В сарайчике-то ее и поймали фашисты.

Таню допросили. Четверо немцев долго били ее ремнями, но она ничего не сказала им. Потом ее повели через всю деревню босиком, в одной рубашке и трусиках. Привели в избу Василия Кулика и здесь опять били, жгли лицо спичками, снова выводили босую на снег. Вся в кровоподтеках и ссадинах, с отмороженными и почерневшими ногами, Таня по-прежнему ничего не говорила и ни слезами, ни стоном не выдала своих страданий.

Утром ее повесили посреди села. Палач уже подтянул веревку, петля сдавила танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Целый месяц провисело тело Татьяны, раскачиваемое ветром, осыпаемое снегом. Проходя мимо, русские люди низко опускали голову и шагали быстрее. А немцы, когда их части проходили через деревню, окружали виселицу и долго потешались, тыча в тело казненной палками. Потом они шли дальше. В нескольких километрах от Петрищева их ждало новое развлечение: у здания участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли они по земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

*Герой Советского Союза
Зоя Анатольевна Космодемьянская.*

В стороне от деревни стоит здание начальной школы. Немцы разорили его, содрали полы. Из половиц они строили в избах нары, а партами топили печи. Между этим печальным, растерзанным домом и опушкой леса, среди редких кустов зарыли тело Тани. Ее могилу и пенек, оставшийся от виселицы, показали нам петрищевские ребятишки. Фотокорреспондент Струнников сфотографировал эти места, и вы видите их на снимках.

Лишь после того, как Петрищево было освобождено от немцев, стало известно, кто эта девушка.

Это была Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет, она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко стриженными волосами — таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Зоя отличалась необычайным трудолюбием, настойчивостью, упорством в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зою избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята вначале охотно принялись за дело, но ходить нужно было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу, она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Кроме мира сверстников, у нее был и другой мир — мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории. Иногда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой.

Великое и героическое прошлое нашей родины с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывает в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира», ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове пронизаны горячей любовью к этим народным исполинам. Ее воображение пленяет героический путь Чернышевского и Шевченко. Она мечтает подобно им послужить народному делу...

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И, как мы уже знаем, она осталась верна слову, данному матери. Она боролась и умерла как герой. 16 февраля этого года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Зое Космодемьянской звание Героя Советского Союза.

Мы с фотографом были первыми приезжими людьми, которые разыскали место казни и погребения Зои и поклонились ему. Но скоро наши бойцы отгонят немцев подальше, и тогда тысячи людей, взрослых и маленьких, потянутся сюда, к этим местам, которые она прославила своим подвигом. И все эти люди скажут душевное спасибо и ей, и отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух.

И светлый образ ее останется у всех в памяти. У пионерского костра прозвучит рассказ о героине-партизанке. И я после войны расскажу о ней своим дочерям. Мне хотелось бы, чтобы они жили и боролись за свою отчизну, как Зоя, а если понадобится, и умерли бы, как она.

П. Лидов

5. Немецкая конюшня, которую сожгла Зоя (Таня).

6. Сарай (вдали), где палачи схватили отважную партизанку.

7. У могилы Зои.

8. Петрищевские ребята около пенька, оставшегося от виселицы.

Умей все делать сам

Именно так должен сказать себе каждый пионер, именно это должно стать обязанностью всех ребят.

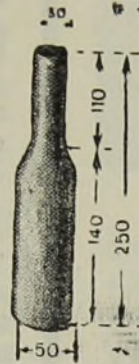
Одному не всегда и не каждое дело под силу, а в коллективе, вместе с товарищами, даже самая трудная работа становится легкой.

Пионерское звено — хороший коллектив для того, чтобы заняться интересными и полезными делами. Нужно только, чтобы вожак звена, да и вы сами, ребята, умели искать нужные дела у себя дома: в своих дворах, в семьях, которым надо помочь, в школе, в колхозе, в районах, освобожденных от немцев и вновь ставших советскими.

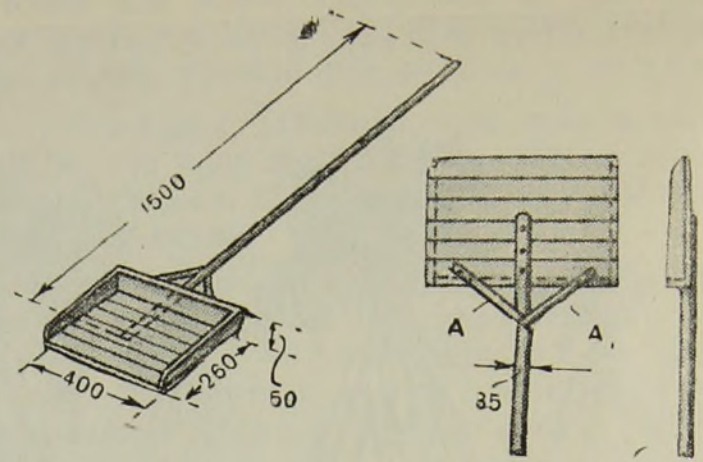
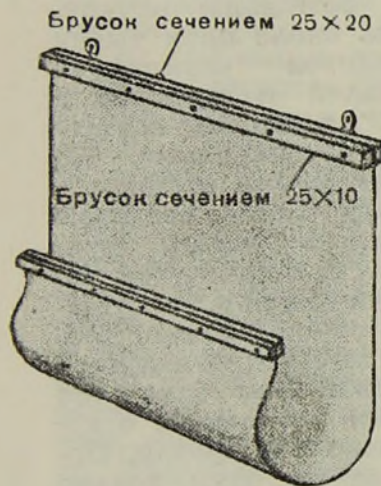
Умейте делать простые, но необходимые в хозяйстве вещи!

Пишите нам, что вы сделали по нашим советам и что придумали сами. Ждем!

1. Самодельную учебную гранату можно сделать острым ножом из квадратного бруса сухой березы. Чтобы она имела нужный вес (от 500 до 750 граммов), прикрепите на утолщенном конце ее полосу железа, а лучше всего сделайте углубление в этом конце и закрепите в нем стальной болт или гайку.

2. Это маскировочная штора. Ее не обязательно делать из специальной плотной бумаги. Можно использовать обычные обои, склеив их в несколько слоев. Причем склеивать слой со слоем нужно только по краям, чтобы штора получилась ровная и не ломалась при свертывании. Когда полотно обоев по размеру окна будет готово, зажмите верхнюю и нижнюю стороны брусками. На чертеже показаны размеры брусков и как это нужно сделать.

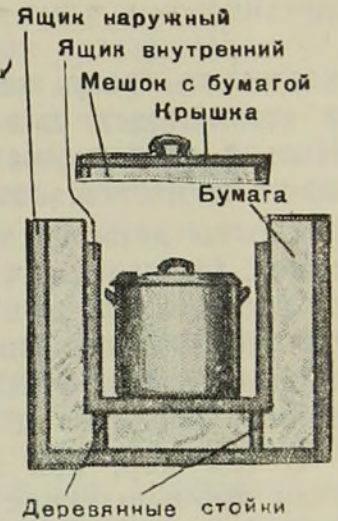
3. Движок-лопата — необходимая вещь зимой. Его может сделать каждый из вас. Дно движка сделайте из толстой фа-

неры. Для прочности набейте по бокам планочки. Ручку прибейте гвоздями, загнув их с обратной стороны.

4. Термос из фанеры сделать нетрудно, а пользы от него много. В нем можно надолго сохранять теплым заранее приготовленный обед. Недоваренная каша, если ее прямо с керосинки поставить в этот термос, через час доварится и будет вкуснее, чем сваренная на керосинке.

Такой термос делается из двух фанерных ящиков. Между ящиками закладывается мягкая газетная бумага. Она задерживает в термосе тепло.

Кастриля ставится во внутренний ящик, и термос закрывается крышкой.

Подробности устройства термоса рассмотрите на этом чертеже.

СОДЕРЖАНИЕ

Платья. — Стихи Ц. Солодаря	1	Юному герою. — Стихи Е. Сувориной. Рис. А. Константинова и В. Минаева	29
Любовь к жизни. — Рассказ Вадима Кожевникова. Рис. В. Горяева	2	Однофамильцы. — Константин Симонов. Рис. Г. Нисского	30
Партизанка Таня. — П. Лидов	5	Дубов и его товарищи. — Подполковник Н. Баканов. Рис. О. Верейского	35
Гордый город. — Стихи П. Шубина. Рис. А. Голованова	8	Советские люди воюют. — В. Ардаматский	40
Ночная гроза. — Рассказ А. Кременского. Рис. А. Брея	11	Краснознаменный имени Ленина	42
Емeste с отцами. — Ребята в дни отечественной войны	16	Сельскохозяйственная школа „Пионера“	44
На Тихом океане. — Владислав Якубович	22	Умей все делать сам	48

На обложке: картина художника Я. Титова „В городе Ленина“.

Отв. редактор — Н. ИЛЬИНА

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 804, телефон Д 3-30-73

Подписано к печати 9/III 1942 г.

Изд. № 189

А 50142

82×110

1/16 бум. листа

76 800 печ. зн. в печ. листе

3 п. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 363 Тираж 50 000

